

Harder 2003 — Harder P. The status of linguistic facts: Rethinking the relation between cognition, social interaction and utterance from a functional point of view. *Mind and language*. 2003. Vol. 18. No. 1. Pp. 52—76.
 Saussure 1916 — Saussure de F. *Cours de linguistique générale*. Lausanne; Paris: Payot, 1916.

Е. Р. Добрушина. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М.: Издательство ПСТГУ, 2014. 270 с. [E. R. Dobrushina. *Korpusnyye issledovaniya po morfemnoi, grammaticheskoi i leksicheskoi semantike russkogo yazyka* [Corpus-based studies on morphemic, grammatical and lexical semantics of Russian]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU, 2014. 270 p.] ISBN 978-5-7429-0925-5.

Илья Борисович Иткин

Институт востоковедения РАН, Москва, 107031, Россия; школа «Муми-Тролля», Москва, 125080, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия
 isv@gol.ru

И'ya B. Itkin

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031, Russia; Mumi-Troll School, Moscow, 125080, Russia; National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia
 isv@gol.ru

«Длинное» название книги избранных работ известного лингвиста, заведующей кафедрой современного русского языка филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Екатерины Роландовны Добрушиной достаточно точно соответствует ее структуре и наглядно отражает широту научных интересов автора.

Сборник состоит из четырех глав: «Морфемная семантика», «Грамматика», «Дискурсивные слова» и «Лексическая семантика и лексикография», — каждая из которых разбита на подразделы (как правило, публиковавшиеся раньше в виде отдельных статей). Прежде чем обратиться к рассмотрению каждой из этих четырех глав, необходимо сказать несколько слов о двух предшествующих им разделах, также играющих важную роль в идейной структуре книги, — предисловии молодого лингвиста А. Б. Летучего и кратком вступлении «От автора».

А. Б. Летучий выделяет основные особенности научной методологии Е. Р. Добрушиной, в числе которых должны быть названы прежде всего систематическая ориентация на корпусные данные, комплексный анализ языковых явлений, сочетание синхронического и диахронического подходов. В то же время, оговариваясь, что в рамках избранного им жанра такое упоминание «неуместно» (с. 6), автор предисловия отмечает наличие в книге ряда спорных решений.

Е. Р. Добрушина в своем вступлении подчеркивает, что работы, вошедшие в книгу, во многом являются результатом участия автора в трех коллективных проектах: «Проекте описания русских дискурсивных слов, приставок и предлогов» под руководством Д. Пайара, «Лингво-энциклопедическом словаре русской христианской лексики», инициированном свящ. К. О. Польсковым, и «Корпусном описании русской грамматики» (известном как «РусГрам»), замысел которого принадлежит Е. В. Рахилиной и В. А. Плунгяну. Сама тональность рассказа об этих проектах, равно как и искренние слова благодарности в адрес многочисленных учителей и коллег свидетельствуют о двух качествах, свойственных, увы, далеко не всем представителям научного мира, но в полной мере присущих Е. Р. Добрушиной: умению работать в команде и умении быть по-настоящему признательным тем, кто составляет для исследователя его научную среду.

Глава «Морфемная семантика» посвящена одному из «вечных» (и, безусловно, «проклятых») вопросов русистики — описанию значений русских глагольных приставок. Е. Р. Добрушина является убежденной сторонницей инвариантного подхода к представлению семантики многозначных единиц. Как кажется, само по себе это не хорошо и не плохо: аргументы сторонников и противников поиска инвариантов достаточно известны, и ни одну из двух противостоящих точек зрения в настоящий момент нельзя признать более убедительной. «При прочих равных» инвариантный подход выглядит, пожалуй, даже привлекательнее:

исследователь, отвергающий теорию инварианта, должен еще убедить сначала себя, а затем и коллег, что (условно) выделение у русского суффикса *-ся* восьми, а не пяти и не тринадцати значений имеет под собой некоторые объективные основания, тогда как в случае ее принятия исходное значение у рассматриваемой единицы всегда и по определению одно.

Е. Р. Добрушина не избегает термина «инвариант» (так, раздел 1.2 носит название «В поисках инвариантного значения приставки *из-*»), но все же предпочитает именовать единое значение приставки или иной единицы «формальной схемой» (далее — ФС) — во-первых, «чтобы избежать <...> коннотаций», связанных с термином «инвариант» (с. 12), во-вторых — потому, что ФС, в отличие от инварианта, «не предполагает вхождение описываемого абстрактного элемента в значение лексем, содержащих приставку» (с. 83). В книге приводятся (в разных форматах, иногда существенно варьируясь) ФС для русских приставок *вы-* (с. 17, 53), *у-* (с. 21, 40), *по-* (с. 23), *о-люб-* (с. 24, 86) и *из-* (с. 40—41); две последние приставки особенно подробно рассмотрены в разделах 1.5 и 1.2 соответственно.

В рамках краткой рецензии разбор достоинств и недостатков столь сложной и оригинальной концепции семантики русских приставок выглядит делом почти невозможным. Что безусловно можно сказать о предлагаемых Е. Р. Добрушиной ФС, так это то, что они, как правило, исключительно остроумны. Однако, на наш взгляд, плата за это остроумие в ряде отношений оказывается непомерно высокой.

Во-первых, вызывает сомнения научный статус предлагаемых толкований. Сама Е. Р. Добрушина, излагая возражения скептиков, приводит следующий аргумент: «в сознании носителей языка нет ничего подобного, носитель языка и понять-то такую формулировку не может, поэтому трудно допустить, что эти формулировки имеют отношение к реальному языку и как-то в нем работают» (с. 84). Примечательно, что никаких убедительных возражений против этого тезиса в книге нет: «в качестве контрдовода» автор ограничивается пространной цитатой из статьи [Кошелев 2004], в которой лишь вновь констатируется недоступность ФС (в терминологии А. Д. Кошелева — «концептуального значения») для интуиции носителя языка, но методологическая приемлемость такого рода конструктов не обсуждается. На наш взгляд, требование «соответствия сознанию носителя языка» не выдерживает критики: такие выдающиеся достижения лингвистической мысли, как закон Ваккернагеля, «эффект крысолова» (англ. *pie-d-piping*) или, например, базисное правило постановки ударения в русских словах [Зализняк 1985: 37—38], бесспорно, соответствуют этому требованию ничуть не лучше, чем ФС Е. Р. Добрушиной. Тем не менее в настоящее время едва ли найдется лингвист, всерьез сомневающийся в их реальности и научной ценности. Как кажется, причина этого в том, что упомянутые положения (об этом свидетельствует весь наш многолетний опыт) вполне отвечают одному из важнейших методологических критериев оценки научных теорий — **критерию воспроизводимости** (иначе говоря, квалифицированный лингвист — а иногда даже добросовестный студент или увлеченный наукой школьник — способен «открыть их заново», имея перед глазами тот же самый языковой материал и исходя из тех же самых предпосылок). Между тем представляется крайне маловероятным, чтобы какой бы то ни было исследователь, проанализировав русские глаголы с приставкой *у-*, независимо от Е. Р. Добрушиной пришел к выводу, что в глаголах с этой приставкой **рассматривается результат, достигнутый за счет накопления количества действия, но это не тот результат, на который действие, обозначенное основой, направлено нормативно** (с. 21). Напротив, толкование приставки *по-*: **«акцентируется протекание действия во времени и пространстве безотносительно к итогу»** (с. 23) — воспроизвести значительно проще. И это неудивительно, если учесть, что само это толкование, по сути, отличается от толкования, которое можно найти в любом словаре, лишь подчеркнутой усложненностью языка, ср., например: «Образует глаголы со знач. <...> 2) незначительной или неполной меры действия, совершаемого в течение короткого времени» [Ожегов 1983: 465].

Во-вторых, поскольку наблюдаемые значения глаголов с соответствующими приставками сплошь и рядом не имеют ничего общего с постулируемой ФС, Е. Р. Добрушиной приходится объяснять, каким образом происходит соответствующая трансформация. Хорошо

известно, что вывести одно значение из другого можно всегда, вопрос лишь в том, какими средствами это будет достигнуто. Так, в традиционных описаниях значение «протекания действия во времени» является лишь одним из значений приставки *по-*, и, например, перед С. И. Ожеговым не стояла задача получить из него инхоативное значение, которое эта приставка имеет в глаголах направленного движения — *пойти, побежать, поползти* и т. п. Перед Е. Р. Добрушиной такая задача стоит, и, к ее чести, она не уклоняется от попытки ее решения, связывая появление значения начала движения с тем, что «пока известен лишь факт реализации определенного типа перемещения во времени и пространстве, но не ясен финальный этап» (с. 24). Это объяснение, однако, неудовлетворительно: оно никак не помогает ответить на вопрос, почему приставка *по-* имеет инхоативное значение в глаголах типа *пойти*, но не имеет его ни в глаголах типа *поговорить, порисовать* или *попрыгать*, ни даже в итеративных глаголах движения типа *походить, побегать, поползть*.

Для приставки *о-/об-* дается следующее толкование: «действие связано лишь с периферией, но не с сутью чего-либо» (с. 24). В то же время одно из основных значений этой приставки — «действие, к-рое распространяется на всю поверхность предмета...» [Ожегов 1983: 371]. Е. Р. Добрушина справляется с этой трудностью следующим образом: «Как это ни парадоксально (sic! — *И. И.*), но в таких глаголах значение “тотальности охвата объекта” является следствием идеи о том, что действию подчинена только часть объекта, тогда как важен весь объект. Именно поэтому к сочетанию *обстучать стену* естественно добавить слово *всю* — подобные слова свидетельствуют как раз о том, что обратное актуально, что в реальности подвергнуть действию всю стену невозможно» (с. 88). На первый взгляд приведенное рассуждение может показаться по-своему элегантным, но в действительности его объяснительная сила измеряется, так сказать, отрицательной величиной. Дело в том, что, согласно Е. Р. Добрушиной, инвариантное значение приставки *из-* связано с идеей «предельного воздействия» (с. 40—41). Одним из основных частных значений этой приставки называется значение «качественным изменением затронуты все участки объекта» с примерами типа *Петя изъездил всю Москву в поисках лекарства* (с. 42—43). Между тем в таких сочетаниях, как *изъездить ~ объездить всю Европу* глаголы с приставками *из-* и *об-* оказываются ближайшими синонимами (ср. два примера из [НКРЯ]: *Давид Реуевини приплыл на большом корабле, изъездил всю Европу, и то его гои дурили, то наши евреи* [Д. Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь» (2001)] и *Я был в Америке, Израиле, объездил всю Европу...* [С. Довлатов. Наши (1983)]). И хотя *полностью изъездить Москву* ничуть не проще, чем *полностью обстучать стену*, примеры с приставкой *из-*, в отличие от примеров с приставкой *об-*, предлагается понимать буквально, а наличие в них слова *весь* «не замечать»: более чем наглядное доказательство того, что в рамках подхода, отстаиваемого автором рецензируемой книги, одно и то же реальное значение можно с равным успехом получить из каких угодно, в том числе противоположных по смыслу ФС.

Для отадъективных глаголов с приставкой *у-* типа *увеличить, удлинить, упростить* понятие «не того результата, на который действие, обозначенное основой, направлено нормативно», разумеется, нерелевантно. Анализируя такие глаголы, Е. Р. Добрушина заменяет это понятие понятием «незначимости способа действия» (с. 32—33). Однако, во-первых, соответствующий логический ход ничем не обоснован, во-вторых, опять-таки остается совершенно неясным, чем в таком случае обусловлено отсутствие в русском языке, например, глаголов **устарить, *умолодить, *услабить* (при наличии *усилить*!) вместо реально существующих *состарить, омолодить, ослабить*. Толкование значения приставки *у-* в глаголе *удержать* (с. 40), как кажется, не может быть никаким ясным способом соотнесено с ее ФС, приведенной на с. 21.

Возражая против традиционной точки зрения, согласно которой основным значением приставки *вы-* считается значение «изнутри-наружу», Е. Р. Добрушина считает, что «приставка *вы-*, сопоставляя две ситуации, отличные друг от друга, рассматривает первую из них как уже содержащую в себе какой-то начальный этап реализации второй ситуации и указывает, что на основе некоторого процесса, протекавшего в нужном направлении, произошел переход от первой ситуации ко второй» (с. 51). Значение «изнутри-наружу», по словам

автора, «легко сводится» к приведенной ФС следующим образом: «Ведь, чтобы нечто переместилось “изнутри-наружу”, необходимо, чтобы еще тогда, когда оно находится “внутри”, существовало понятие “снаружи”, существовало сообщение между “внутри” и “снаружи” и движение было направлено в конкретную сторону...» (с. 54). В данном случае уже трудно отделаться от ощущения, что перед нами автопародия.

Число таких примеров, увы, можно было бы умножить. При этом мы ни в коем случае не хотим сказать, что концепция Е. Р. Добрушиной «хуже» каких-либо других концепций описания семантики русских приставок: такие ее недостатки, как произвольность толкований, чрезмерная свобода в постулировании семантических переходов, внимание к «удобным» примерам при отказе от рассмотрения «неудобных», составляют общую проблему данной области исследований и лишний раз свидетельствуют об ее исключительной трудности.

Более того, несмотря на эти недостатки, работы Е. Р. Добрушиной, посвященные русским глагольным приставкам, содержат немало ценных и точных наблюдений. Например, чрезвычайно интересным представляется соображение автора о том, что в семантике приставки *о-/об-* важнейшую роль играет метафорический компонент (с. 90). Самого пристального внимания заслуживает раздел 1.3 «Семантические механизмы взаимодействия приставки и глагольной основы (основа *-каз-*)», написанный на основе статьи, опубликованной автором совместно с Д. Пайаром. В этом разделе представлен тонкий и по большей части убедительный анализ семантики глагольного корня *-каз-*, в бесприставочном виде сохранившегося в русском литературном языке главным образом в возвратном глаголе *казаться*, и глагольных лексем *показать(ся)*, *доказать* и *отказать(ся)*, основанный на предположении о том, «что все значения этих глаголов являются результатом взаимодействия глагольной основы *-каз-(ать)* и приставок *по-, до- и от-*» (с. 60). Подчеркнем, что речь идет о глаголах, которые не всякий исследователь-русист вообще признает синхронно членимыми — ср., например, печально знаменитый, но по-прежнему сохраняющий определенный авторитет в глазах некоторых лингвистов словообразовательный словарь [Тихонов 1985]. К сожалению, за пределами рассмотрения при этом остаются другие приставочные производные от той же основы: *выказать*, *приказать*, *сказать*, *указать* и др. Нельзя не отметить, что такого рода незавершенность, иногда почти иллюстративность, характерна едва ли не для большинства сюжетов, рассматриваемых в сборнике: оговорки вроде «Данная работа представляет собой лишь начальный этап исследования...» (с. 118) встречаются в ней чаще, чем хотелось бы.

Раздел 2.1 «*Видев* и *увидя*»: жизнь и смерть деепричастий, образованных по непродуктивным моделям» представляет собой корпусное исследование эволюции и нынешнего состояния нестандартных для современного литературного языка моделей образования деепричастий. Некоторые результаты, приведенные в этом разделе, относятся к числу вполне ожидаемых: таков, например, вывод о том, что деепричастия совершенного вида на *-ши* от глаголов на *-ти* (типа *привезши*) практически полностью вытеснены своими аналогами на *-а* (типа *привезя*). Однако в ряде случаев исследования Е. Р. Добрушиной опровергают сложившиеся представления. Так, не подтверждается (или не вполне подтверждается) общепринятое мнение о том, что деепричастия прошедшего времени от глаголов несовершенного вида употребляются почти исключительно с отрицанием: согласно данным НКРЯ, «это верно только для *евши*, *пивши* и *спавши*, являющихся фразеологизованными» (с. 102). Еще более важной представляется демонстрация того обстоятельства, что деепричастия совершенного вида на *-а* от возвратных глаголов на *-ить* (типа *возвратясь*), хотя и встречаются в последние десятилетия реже регулярных деепричастий типа *возвратившись*, у ряда глаголов по-прежнему остаются широко употребительными. Это означает, что в области русского глагольного словоизменения имеется серьезнейшая лексикографическая лакуна. В самом деле, отрицать существование в современном русском языке, например, формы *склонясь* (> 15 вхождений в НКРЯ только с 1990 по 2014 г.) невозможно. Однако даже в таких авторитетных грамматических словарях, как [ОСРЯ] и [Грамм.], формы типа *склонясь* не признаются ни нормативными, ни допустимыми, ни устаревшими, ни даже неправильными — они просто не упоминаются вообще!

Говоря о разделе 2.1 в целом, невозможно обойтись без внушительной ложки дегтя. Статистические данные, на которых строятся выводы автора, получены на не всегда ясных основаниях, а в ряде случаев, по-видимому, прямо неверны. Так, по данным Е. Р. Добрушиной, форма *читав* может употребляться в современных текстах даже и без отрицания (с. 100). В сводной таблице на с. 101 отмечается наличие четырех таких примеров в период с 1910 по 2014 г. Однако поиск по текстам XX—XXI вв., наряду с приведенной в сборнике (с. 102) цитатой из Н. Климонтовича (2001), позволяет найти лишь еще один пример — из написанной подчеркнуто стилизованным языком эпопеи Вячеслава Шишкова «Емельян Пугачев». На с. 103 утверждается, что «формы *не видевши, не говоривши*, судя по данным НКРЯ, в текстах последнего столетия отсутствуют». Между тем в той же таблице на с. 101 отмечены три примера сочетания *не видевши*, что подтверждает и НКРЯ (правда, один из этих примеров — стихотворная цитата). На с. 105 указано, что в период с 1990 по 2014 г. *озлясь* и *озлившись* встретились в НКРЯ в соотношении 37/6. В действительности форма *озлясь* представлена лишь 20 вхождениями **во всем** Основном корпусе НКРЯ (с 1701 г. по настоящее время). Такие ошибки, более чем характерные для работ, построенных на базе корпусной статистики, создающей иллюзию «непогрешимой точности» и практически никогда не подвергаемой перепроверке (если же признать, что перепроверка все-таки бывает необходима, сама идея подобного рода работ во многом лишается смысла), — одна из главных причин, по которым мы никак не можем присоединиться к восторженным оценкам роли корпусных исследований в современных лингвистических описаниях, отраженных, в частности, в известных статьях [Перцов 2006] и [Плунгян 2008].

Небольшой раздел 2.2 посвящен «присчетным формам» — существительным, играющим роль «единиц измерения» в таких количественных сочетаниях, как *пять метров клеенки, пять вагонов дынь, пять штук сигарет, пять пар очков*. Наблюдения автора над употреблением «присчетных форм» носят, как подчеркивает сама Е. Р. Добрушина, предварительный характер. Важное для автора предположение о том, что такие слова «находятся в начальной степени грамматикализации» (с. 121), на наш взгляд, несколько обесценивается известной расплывчатостью самого понятия «грамматикализация».

Глава 3 состоит всего из двух разделов, но их названия — «О видах поддакивания» и «Что значит слово *нет*?» — более чем красноречивы.

В разделе 3.1 по итогам рассмотрения разнообразных коммуникативных ситуаций Е. Р. Добрушина выделяет четыре типа поддакивания: «*Да-да* повышенной кооперативности», «*Да. Да-да* подтверждающее», «*Да! Да! Да!* настаивающее» и «*Да-а... Да* задумчивое» (с. 141). Хотя ни сама эта цифра, ни критерии, на основании которых проводятся границы между разными типами, не кажутся единственно возможными, постановка задачи и методика проведенного исследования представляются весьма плодотворными.

Название раздела 3.2, хотя и вызывает искреннее восхищение интеллектуальной смелостью автора, представляется нам все же несколько неточным. Используя достаточно сложную терминологию и изощренный формальный аппарат, Е. Р. Добрушина тем не менее закономерно приходит к тому, что слово *нет* значит «Неверно, что X», хотя и формулирует этот вывод другими словами (с. 198). Основная ценность данного раздела заключается, на наш взгляд, в другом — в анализе **употреблений** русского слова *нет*. Рассматривая загадочное поведение слова *нет* при ответах на отрицательные вопросы, ср.: (1) *Он не уехал?* — *Нет*; (2) *Он не уехал?* — *Нет, не уехал*; (3) *Он не уехал?* — *Нет, уехал*, где примеры (2) и (3) противоположны по смыслу, а пример (1) однозначно понимается как синонимичный примеру (2), но не примеру (3), Е. Р. Добрушина формулирует простое и изящное правило, согласно которому **«значение последующей части высказывания, начинающегося с *нет*, определяет значение *нет*, а при отсутствии такой части значение *нет* выводится из предыдущего высказывания как негативный аналог»** (с. 151; выделено автором. — *И. И.*). Если это правило не было сформулировано раньше в необозримой литературе, посвященной русскому отрицанию, автора книги можно безоговорочно поздравить с поистине замечательным достижением.

К сожалению, от внимания Е. Р. Добрушиной ускользнуло одно из специфических употреблений слова *нет* — конструкции с дательным падежом типа *Нет мировому империализму!*. Вполне вероятно, что такие конструкции могут быть проще всего описаны как эллипсис «лозунгов» типа *Скажем «Нет!» мировому империализму!*, но, так или иначе, без упоминания о них исследование свойств слова *нет* оказывается несколько неполным.

Содержание главы 4 во многом определяется работой автора над уже упоминавшимся проектом «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики». Подзаголовок раздела 4.1 — «О ножках у стола и чешуйках на хвосте у крысы (проблема различения лингвистической и энциклопедической информации в лексикографических толкованиях и шкала лабильности)» — напрямую перекликается с определением, открывающим название словаря. Проблема, которой посвящен этот раздел, и опять-таки относится к категории «вечных», однако предпринятая Е. Р. Добрушиной попытка классификации различных групп лексики в зависимости от того, какое соотношение между лингвистической и энциклопедической информацией для них наиболее характерно, представляет интерес как для практической, так и для теоретической лексикографии.

При чтении книги обращает на себя внимание большое количество, говоря спортивным языком, «нев्यужденных ошибок» — неверных утверждений, не соотносящихся напрямую с теоретическими воззрениями автора. Так, на с. 15 глагол *увеличить* отнесен к числу глаголов, имеющих связанную основу, сочетающуюся ровно с одной приставкой, — несмотря на существование глагола *возвеличить*. На с. 33 к той же категории отнесен еще и глагол *вытрезвиться*, как представляется совсем странным с учетом наличия в русском языке таких глаголов, как *отрезвить(ся)* и *протрезвить(ся)*; более того, в [Грамм.] отмечен бесприставочный глагол *трезвить*, встречающийся и в НКРЯ. На с. 54 говорится, что у глаголов *вылить* и *выгнать* характерное для приставки *вы-* значение «изнутри-наружу» является «скорее образом». Как кажется, выгнанная из дома собака едва ли согласилась бы здесь с автором; точно так же и вода, вылитая из кувшина, оказывается снаружи вполне буквально. На с. 142—143 вне всякой связи с основной темой раздела 3.2 утверждается, что синонимия вариантов *нет* и *нету* «производит впечатление полной, возможно единственной таковой в русском языке, по крайней мере для предикативов»; между тем среди предикативов есть, например, такая очевидная дублетная пара, как *жаль* ~ *жалко*. В таблице на с. 110 основа глагола *обрести* представлена в виде *-брести*, хотя в этом глаголе может быть выделен либо корень *-брет-*, либо (например, при сопоставлении со словом *Сретение*) корень *-рет-*; но никак не корень **-брет-*. Возможно, впрочем, что речь идет просто об опечатке. Собственно опечаток в книге сравнительно немного, но некоторые из них чрезвычайно досадны. В частности, на с. 98—99 сказано, что в русском языке «вымерли или <...> вымирают» деепричастия типа *увезя* (?!; возможно, следует читать *увидя*). Непосредственно ниже, в сн. 3 на с. 99, вместо ссылки на «Грамматический словарь русского языка» приведена ссылка на другую работу А. А. Зализняка — книгу «Русское именное словоизменение». На с. 236 сообщается, что комедия «Горе от ума» была написана в 1821 г. (вместо 1824) и сделал это некто И. Грибоедов...

Наконец, для общей оценки книги Е. Р. Добрушиной крайне существен еще один аспект, обсуждение которого, на первый взгляд, представляется совершенно неуместным в рецензии на сугубо научное исследование; тем не менее, обойти его мы не имеем возможности.

Е. Р. Добрушина — человек глубоко православный. Сам по себе этот факт едва ли как-то отличает автора книги от некоторых других российских (а равно и, например, греческих или эфиопских) лингвистов. И даже то, что Е. Р. Добрушина считает необходимым этот факт всячески подчеркивать (ср. формулу «Господи, благослови!», завершающую авторское вступление (с. 10), или тезис о том, что «неверие в бессмертную душу равноценно отказу от поисков смысла жизни», на **первой** странице **первого** же раздела книги (с. 11, сн. 2)), способно разве что вызвать раздражение у не отличающегося терпимостью читателя иных взглядов. Однако ситуация кардинально меняется, когда религиозные убеждения автора начинают оказывать непосредственное влияние на анализ собственно языковых явлений.

В разделе 4.3 «Абсолютность *добра* и относительность *блага* или наоборот?» Е. Р. Добрушина утверждает, что прилагательное *благой* «в применении к людям встречается крайне редко», так что соответствующее значение «можно считать ненормативным», и добавляет, что «в современном узусе сохранилось только устойчивое сочетание *благая воля*» (с. 241). Возможно, виной всему неудачная формулировка или просто недоразумение, но нет никаких сомнений, что к современному русскому языку (о церковнославянском мы судить не беремся) это не имеет никакого отношения. «Устойчивое сочетание *благая воля*» во **всем** Основном корпусе НКРЯ встретилось 26 раз, в основном — в сочинениях чисто религиозного содержания. В то же время такие сочетания, как *благие пожелания*, *благие цели*, *благое дело* и др., представлены в НКРЯ значительно шире и употребляются (как вполне нейтрально, так и иронически) в текстах самых разных жанров — ср., скажем, пример, попавший в Корпус с одного из интернет-форумов: *Значит, они будут использовать мои деньги в благих целях своего банка бесплатно и незаконно?* [коллективный. Банк Русский Стандарт. Обсуждение банка (2009—2011)]. Наибольшую же частотность ожидаемо демонстрируют *благие намерения*, во многих случаях упоминаемые в контексте прямой или подразумеваемой отсылки к их хорошо известной способности исполнять роль плитки при дорожных работах.

В разделе 4.2 «Акафист догматическому альтруизму, или Об оценочных переносах значения религиозной и философской лексики» Е. Р. Добрушина, в частности, рассматривает причины появления у слова *акафист* «род хвалебного церковного песнопения» значения «неумеренное славословие». По мнению автора, «элемент “это плохо” появляется из-за противоречия между первоначальным компонентом “У (объект восхваления. — *И. И.*) — Бог или святой” и контекстом, вводящим не соответствующего этой характеристике адресата» (с. 219). Это высоконравственное объяснение не выдерживает критики. Названия **любых** речевых жанров, для которых характерен компонент «похвала очень явственна» (по удачной формулировке самой Е. Р. Добрушиной), способны приобретать регулярное или окказиональное отрицательное значение просто в силу негативного отношения значительной части носителей языка к самой идее такого рода восхвалений — совершенно независимо от того, к кому они должны быть обращены изначально. В частности, в соответствующей роли могут выступать слова *дифирамб* и *ода*, ср., например: *И еще глубже проникаешься уважением к этому скромному сельскому интеллигенту, который <...> не писал пафосных од и дифирамбов по случаю знаменательных дат и «судьбоносных» свершений мужей власть имущих* [И. Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли... // «Народное творчество» (2003)]. При этом, насколько нам известно, слово *дифирамб* не употребляется в христианской традиции, а его прямой смысл — «хвалебная песнь в честь бога Диониса» — ведомо разве что специалистам-античникам да немногочисленным эрудитам; слово же *ода* вообще не имеет религиозного значения.

Апофеозом тенденции к рассмотрению чисто лингвистических сюжетов *sub specie fidei* служит раздел 1.6 «Оживление внутренней формы приставочных лексем в религиозных текстах», посвященный анализу семантики глагола *заступаться*.

Основываясь на работе [Крылова 2004], Е. Р. Добрушина дает глаголу *заступаться* следующее толкование: «[С]убъект, (1) как правило движимый состраданием или чувством справедливости, (2) предприняв активные действия, часто в словесной форме, (3) делает попытку (успешную или неуспешную) воспрепятствовать тому, чтобы (4) антагонист нанес или продолжал наносить обиду или ущерб объекту, (5) при этом субъект сильнее объекта и выше по статусу, а статус антагониста самый высокий» (с. 92). Далее Е. Р. Добрушина отмечает неприемлемость компонентов (3) и (4) в ситуации заступничества перед Богом, поскольку «[х]ристианскому мировосприятию глубоко чужда мысль препятствовать Промыслу Божию или предполагать его вредоносность для кого-нибудь» (с. 94; очевидно, мировосприятие всех христиан априори предполагается идентичным).

Далее Е. Р. Добрушина обращается к одному из сочинений известного религиозного деятеля и богослова митрополита Сурожского Антония (Блума), который на основе сходного рассуждения приходит к выводу о том, что при попытке применить обычное понимание глагола *заступаться* к заступнической молитве **заступничество** неизбежно теряет свой

религиозный смысл и сближается с **ходатайством**. Актуализируя связь глагола *заступаться* с глаголом *ступать*, митрополит Антоний интерпретирует подлинное религиозное заступничество как «шаг в центр ситуации <...>, молитвенное усилие, делание, позволяющее взять на себя грех или беду другого, понести их и принести к Богу» (с. 94). Основываясь на понимании, предложенном митрополитом Антонием, Е. Р. Добрушина представляет компоненты (3) и (4) в следующем виде: «[С]убъект <...> стремится принять на себя, частично или полностью, усилие по несению греха или страдания объекта, чтобы (4) соработать Богу в спасении объекта» (с. 95).

Митрополит Антоний был превосходно образованным человеком, несомненно обладавшим чувством языка. Но он не был лингвистом, и его суждения о значении слов требуют не безоговорочного восторженного принятия, а критического рассмотрения.

Прежде всего, коль скоро «предполагать вредоносность Бога» для кого бы то ни было невозможно, то и заступаться перед ним за кого бы то ни было нет необходимости, а стало быть, непонятно, что же плохого в замене заступничества ходатайством. Как кажется, дело исключительно в том, что в **русском литературном языке** глагол *заступаться* имеет в высшей степени положительные коннотации, а глагол *ходатайствовать* (Е. Р. Добрушина называет его «банальным») — нейтральные или даже несколько уничижительные (недаром, например, герой стихотворения Н. С. Гумилева «Рай», крайне пренебрежительно относящийся как к собеседнику, апостолу Петру, так и к силам Ада, говорит: «Перед тобою темный серафим // Появится ходатаем моим»). Но ведь пафос Е. Р. Добрушиной в том и состоит, что «обыденные» (по ее терминологии) значения слов нельзя переносить в религиозную сферу!

В действительности, однако, между глаголами *заступаться* и *ходатайствовать* имеются чрезвычайно важные и глубокие различия. Глагол *ходатайствовать* не предполагает наличия у вышестоящего лица никаких эмоций по отношению к объекту ходатайства (вполне типична ситуация, когда до появления просителя вышестоящее лицо вообще ничего не знало о существовании объекта). Напротив, употребление глагола *заступаться* уместно только в ситуации, когда антагонист настроен по отношению к объекту негативно. *Заступиться* за кого-либо означает **встать между** объектом и антагонистом, проявить готовность в случае необходимости принять гнев антагониста на себя. Именно в этом, а не в каком-либо ином смысле глагол *заступаться*, как и близкий к нему по значению глагол *вступаться*, существование которого однозначно свидетельствует о сохраняющейся синхронной связи между *заступаться* и *ступать*, справедливо отмеченной митрополитом Антонием, действительно означает «шаг в центр ситуации». Именно этим, а не чем-либо иным объясняется высокий статус **заступничества** в сознании носителей русского языка.

И, наконец, самое главное. К счастью, говорить и писать на религиозные темы позволено не только служителям церкви. Знаменитое пушкинское стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» заканчивается так:

Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина Своего.

С момента публикации «Легенды» ее читали миллионы людей, многие из которых были православными. Речь в стихотворении, разумеется, идет о заступничестве перед Богом; тем не менее мы берем на себя смелость утверждать, что все читатели понимали и понимают слова Пушкина в «обыденном» смысле, то есть в том единственном смысле, который и имеет в русском языке глагол *заступаться*.

От подхода, в соответствии с которым написан раздел 1.6, буквально один шаг к «православной лингвистике», лежащей за пределами всякой науки. Завершая нашу рецензию, мы хотели бы пожелать Екатерине Роландовне Добрушиной, талантливому и увлеченному исследователю, автору яркой и интересной книги, не похожей ни на какую другую, никогда этого шага не сделать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Грамм. — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2003. [Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [A grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. 4th ed., revised and enlarged. Moscow, 2003.]
- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. [Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Proto-Slavic accentuation to the Russian accentuation]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Кошелев 2004 — Кошелев А. Д. О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68—101. [Košelev A. D. On the conceptual meanings of the prefix *o-/ob-*. *Voprosy jazykoznanija*. 2004. No. 4. Pp. 68—101.]
- Крылова 2004 — Крылова Т. В. Защитить // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 380—383. [Krylova T. V. To defend. *A new explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow; Vienna, 2004. Pp. 380—383.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Ожегов 1983 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. 14-е изд. М., 1983. [Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [A dictionary of the Russian language]. 14th ed. Moscow, 1983.]
- ОСРЯ — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Аванесова Р. И. М., 1989. [Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. *Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Russian pronouncing dictionary. Pronunciation, accent, grammatical forms]. Avanesov R. I. (ed.). Moscow, 1989.]
- Перцов 2006 — Перцов Н. В. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11). С. 227—245. [Pertsov N. V. Towards judgements about the facts or the Russian language in the light of corpus data. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2006. No. 1 (11). Pp. 227—245.]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 7—20. [Plungian V. A. Corpus as an instrument and as ideology: about some lessons of present-day corpus linguistics. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. No. 16 (2). Pp. 7—20.]
- Тихонов 1985 — Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. М., 1985. [Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Russian word-formation dictionary]: in 2 vol. About 145 000 words. Moscow, 1985.]

V. Kasevich, Y. Kleiner, P. Sériot (eds). History of linguistics 2011. Selected papers from the 12th International conference on the history of the language sciences (ICHoLS XII), Saint Petersburg, 28 august — 2 september 2011 (Studies in the history of the language sciences 123). Amsterdam: John Benjamins, 2014. 222 p.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Dmitri V. Sitchinava

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия; mitrius@gmail.com

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia; National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia; mitrius@gmail.com

Очередной том в серии «Исследования по истории наук о языке», издающейся под общей редакцией основоположника современной науки об истории языкознания К. Кёрнера (так он аттестован во введении к сборнику — с. X), посвящен материалам 12-й международной конференции по истории наук о языке, проходившей в Санкт-Петербургском университете. Много в этой книге, несомненно, вызовет особый интерес у читателя российского журнала. Редакторами издания выступили два профессора СПбГУ В. Б. Касевич и Ю. А. Клейнер вместе со славистом, историком языкознания из Лозаннского университета П. Серио; на титульный лист вынесено имя также секретаря оргкомитета, аспиранта Петербургского